В диссертационный совет 24.2.336.03, созданный на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Бокова Дмитрия Константиновича на тему «Уголовно-правовое воздействие на инфраструктуру терроризма: проблемы теории и практики», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

Диссертация Бокова Дмитрия Константиновича посвящена комплексному исследованию уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма и включает в себя научно обоснованные предложения по оптимизации его инструментария; уточненную уголовно-правовую характеристику деяний, образующих инфраструктуру терроризма, а также теоретические рекомендации по их квалификации; обоснование перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства в части противодействия терроризму и его инфраструктуре.

Актуальность диссертационной работы, посвященной столь острой для современной российской действительности теме, сложно переоценить. Терроризм остается одним из источников угроз национальной безопасности Российской Федерации, а предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, попыток совершения актов ядерного, химического и биологического терроризма рассматривается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в числе основных задач по достижению целей обеспечения государственной и общественной безопасности (п. 47 Указа Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400).

В последние годы наблюдается существенное увеличение числа террористических посягательств на объекты транспортного и топливно-энергетического комплексов, организованных украинскими спецслужбами и

неонацистскими вооруженными формированиями, реализуемых преимущественно с применением беспилотных систем на критически важные объекты, а также обстрелов приграничных с Украиной территорий и попыток проникновения диверсионно-разведывательных групп вглубь страны.

Международные террористические организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи.

Вышеуказанные террористические акции (атаки вооружёнными силами государства целей, которые ставят под угрозу гражданское население, создание и поддержка вооружённых сил наёмников, убийства, покушения, совершаемые государством в отношении к официальным лицам других государств, осуществляемых военным ударом, спецподразделениями или тайными операциями и т.д., рассматриваются Женевской декларацией о терроризме («The Geneva Declaration on Terrorism») в качестве проявлений политики государственного терроризма. Не случайно, в Указе Президента Российской Федерации от 28.12.2024 №1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» обращается внимание на использование некоторыми государствами террористических организаций в качестве средства для ведения гибридных войн против внешнеполитических противников и достижения своекорыстных геополитических целей, в том числе за счет вмешательства во внутренние дела других государств в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в этих государствах, нарушения их территориальной целостности или развязывания в них гражданских войн, инициирования «цветных революций», а также для создания обстановки «контролируемого хаоса» в отдельных регионах мира.

Являясь наиболее опасным проявлением экстремизма, терроризм представляет глобальную угрозу международному миру и безопасности. При этом современному росту террористических угроз в мире способствует стремительное распространение экстремистской идеологии (включая

неонацизм и радикальный национализм), в том числе в информационном пространстве.

Статистические показатели демонстрируют рост числа зарегистрированных преступлений террористической направленности: по итогам 2025 г. число зарегистрированных преступлений террористической направленности увеличилось на 59,4% и достигло 5920 (для сравнения в 2024 г. данный показатель составлял 3714 преступлений, +55,9%).

Все вышесказанное, как правильно отмечает Д.К. Боков, предопределяет необходимость разработки научной концепции, способной служить теоретической основой для оптимизации существующих и разработки новых инструментов уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма с учетом потребностей контртеррористической деятельности и позволяющей органично имплементировать специализированные антитеррористические нормы в существующее нормативно-правовое поле, согласовать их содержание и практику применения с принципами и традиционными институтами уголовного права (с. 5).

Безусловно, диссертация Д.К. Бокова родилась не на пустом месте. На тему противодействия терроризму защищен целый ряд диссертаций (в том числе и докторских), подготовлены иные серьезные научные работы (пособия, монографии и т.п.). Однако это вовсе не означает, что потребности в научном и методическом обеспечении антитеррористической деятельности государственных органов больше не существует. Законодательство в этой сфере общественных отношений наиболее динамично, нередко – противоречиво, а неправильное применение уголовного запрета, излишне репрессивный уклон – крайне болезненно воспринимаются общественным сознанием, критикуются правозащитниками не только в нашей стране, но и за рубежом. Перечисленные обстоятельства позволяют считать обращение автора диссертации к заявленной теме весьма своевременным и актуальным.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность

определены авторским подходом к организации исследования, его методологическими принципами и качеством источников первичной научной информации.

Работа представляет собой логически последовательное и завершенное, композиционно целостное исследование, которое органично сочетает в себе: статистический анализ данных о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ст. 205, 205^1–205^5, 208, 209 УК РФ, и лицах, осужденных за их совершение, за период с 1997 по 2025 г., исследование свыше 500 итоговых судебных решений по делам об указанных преступлениях, анкетирование по вопросам уголовно-правового противодействия терроризму, в рамках которого опрошено 56 научно-педагогических работников и 135 практикующих юристов.

Использование всей совокупности общенаучных и частнонаучных методов познания исследуемой разновидности отклоняющегося поведения, положенное в основу диссертации, позволило рассмотреть в комплексе проблемы противодействия преступлениям террористической направленности: начиная с вопросов о понятии и сущности инфраструктуры терроризма и заканчивая задачами уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма.

Репрезентативность эмпирического материала, соблюдение методологических принципов и методических требований к проведению социально-правовых исследований, внутренняя непротиворечивость представленных в диссертации суждений, соответствие теоретических выводов с эмпирическими данными документального и социологического анализа, свидетельствует о достоверности и обоснованности сформулированных Д.К. Боковым положений, выводов и рекомендаций. Авторские суждения базируются на доказанных и корректно используемых выводах фундаментальных и прикладных наук, а полученные результаты согласуются с иными независимыми источниками по теме диссертации.

Научная новизна диссертации определена как самим фактом обращения соискателя к разработке концептуальных основ противодействия

преступлениям террористической направленности, так и полученными при этом научными результатами.

Новыми, существенно уточняющими и развивающими известные доктринальные положения, и однозначно заслуживающими внимания и обсуждения, следует признать результаты исследования Д.К. Бокова, которыми:

- разработана концепция уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма, включающая социально-правовое обоснование концепта «инфраструктура терроризма»;

- отражена функциональная связь терроризма и его инфраструктуры, представлены результаты структурно-функционального анализа элементов террористической инфраструктуры;

- обозначены теоретические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма и представлены научно обоснованные предложения по оптимизации его инструментария;

- уточнена уголовно-правовая характеристика деяний, образующих инфраструктуру терроризма, даны теоретические рекомендации по их квалификации, а также обоснованы перспективные направления совершенствования уголовного законодательства в части противодействия терроризму и его инфраструктуре.

Автор убедительно доказывает, что в современных условиях уголовно-политическая и правоприменительная концентрация на нормах о «специальном» соучастии представляется неоправданной. Приоритетом в правоприменении должны обладать нормы классического института соучастия в преступлении, а нормы о соучастии sui generis, функционально предназначенные для восполнения недостатков института соучастия, должны вступать в действие лишь при невозможности применения положений Общей части УК РФ о соучастии. Предложенное разграничение сфер действия исследуемых уголовно-правовых инструментов позволит обеспечить баланс общих нормативных положений о соучастии в преступлении и

самостоятельных норм об ответственности за соучастные деяния, воспользоваться преимуществами классического института соучастия, компенсируя при необходимости его пробелы и недостатки за счет норм о соучастии особого рода, что создаст нормативные основания для беспробельного уголовно-правового противодействия различным формам содействия терроризму.

Действительно, Особенная часть УК РФ подверглась заметному «перенасыщению» специальными нормами об ответственности за сложные формы соучастия. Такое положение дел вряд ли можно связывать с естественными, закономерными процессами в законотворчестве. Последнее, к сожалению, не всегда отвечает требованиям системности, социальной обусловленности и научной обоснованности, а является зачастую результатом политической конъюнктуры и популистских решений. Следует подчеркнуть, что криминализационная избыточность, наряду с имеющимися существенными понятийно-терминологическими дефектами, дестабилизирует судебно-следственную практику, порождает ошибки в процессе квалификации деяний, необоснованное усиление уголовной репрессии.

Итогом рассуждений диссертанта относительно стратегии уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма стал закономерный вывод о том, что на смену «реактивному правоприменению», доказавшему свою ограниченность и неэффективность, пришла превентивная, проактивная стратегия уголовно-правового противодействия терроризму. Подобная терминология, широко используемая в рабочих документах ООН, подчеркивает различие новой, «проактивной», стратегии с так называемым «реактивным правоприменением», ориентированным на уголовное наказание за уже совершенные террористические акты (с. 101). Такая стратегия в области борьбы с терроризмом состоит в том, чтобы принять меры против планов террористов и подготовки террористических актов до их практической реализации. Превентивная стратегия предполагает применение мер уголовной репрессии к лицам, создающим условия для совершения преступлений террористического

характера, на ранней стадии, не дожидаясь фактического исполнения террористического акта.

Несомненно важные и четкие ориентиры для практических органов дает Д.К. Боков применительно к уголовно-правовой оценке деяний, побуждающих к совершению преступлений террористического характера. «Конкретика подстрекательства, - рассуждает он, - заключается в том, что подстрекатель склоняет другое лицо к преступлению определенного вида (видовая конкретизация), детализируя при этом существенные индивидуальные признаки будущего преступления (фактическая конкретизация)» (с. 238). Этот тезис в полной мере распространяется и на специальное подстрекательство, криминализованное в ст. 205[1] УК РФ, что отличает его от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, для которых характерна гораздо меньшая степень конкретизации побудительных высказываний. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, будучи разновидностью криминогенного побуждения, не предполагают точных, индивидуализированных указаний на объект террористического нападения, способ, время его совершения, но при этом содержат лингвистические и психологические признаки склонения к террористическому преступлению определенного вида.

Данная проблема находит особую актуализацию с учетом повышения степени общественной опасности и распространенности криминального рекрутинга. Так, например, для вербовки молодых людей террористами используется дистанционный метод посредством сети Интернет. В этом случае вербовщики используют виртуальное пространство для поиска подходящих кандидатов. Они налаживают контакт через мессенджеры, такие как Telegram, VK и другие популярные платформы. Международные террористические организации формируют свои ячейки в среде трудовых мигрантов, вовлекают в преступную деятельность молодежь, в том числе учащихся и студентов, а также представителей старшего поколения.

Как известно, активизация преступности, связанной со склонением, вербовкой и иным вовлечением лиц в деятельность террористических и диверсионных сообществ связана с проведением специальной военной операции. На территории новых субъектов Российской Федерации осуществляется деятельность террористических, экстремистских, диверсионных и иных преступных сообществ, в том числе неонацистского толка.

Импонирует четкая и последовательная позиция автора относительно момента окончания преступления в форме участие в террористическом объединении. Соискатель ученой степени предлагает исходить из того, что участие в террористическом объединении должно быть активным, деятельным и не может выражаться в простом бездейственном членстве. Другими словами, лицо может считаться членом анализируемого преступного объединения только тогда, когда оно существенно способствует его функционированию.

Подвергая критике позицию, согласно которой принятие присяги на верность лидеру международной террористической организации следует расценивать в качестве юридически оконченного преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205^5 УК РФ, даже если конкретные действия в интересах террористической организации присягнувшее лицо не совершило, он обращает внимание на следующие важные обстоятельства. Во-первых, участие в деятельности террористической организации предполагает «совершение лицом умышленных действий, относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации», тогда как принятие присяги лишь создает условия для совершения указанных действий. Во-вторых, при таком подходе участие в деятельности террористической организации фактически приравнивается к формальному членству в соответствующей организации, т.е. к преступному состоянию, что идет вразрез с базовыми положениями уголовного права. В-третьих, подобная уголовно-правовая оценка фактически исключает возможность добровольного

отказа от доведения преступления до конца, лишает лицо стимулов к инициативному прекращению преступной деятельности, что не способствует решению превентивной задачи уголовного права (с. 372-373).

Заслуживает безусловного внимания предложение автора об установлении в УК РФ специальной ответственности за содействие другому лицу в совершении хотя бы одного из террористических преступлений, совершенное посредством финансовой или информационной поддержки. В последнем случае под информационной поддержкой предлагается понимать разработку и (или) предоставление технических компьютерных средств и компьютерного программного обеспечения, деятельность по передаче и обработке данных, предоставление услуг по размещению информации, в том числе посредством создания и (или) обеспечения функционирования информационного ресурса (сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), администрирование компьютерной системы с осознанием того, что указанные услуги способствуют совершению или сокрытию хотя бы одного из террористических преступлений, перечисленных в настоящей статье, либо обеспечению деятельности организованной группы, созданной для совершения хотя бы одного из этих преступлений (с. 435).

На мой взгляд, гиперцифровизация общества повлекла за собой не только положительный, но и отрицательный эффект, выразившийся в проникновении преступности в виртуальное пространство, используемое при совершении разного рода преступлений, в том числе и с признаками террористической деятельности. Как известно, использование информационно-коммуникационных технологий, в том числе, сети Интернет, предоставило возможность деструктивным силам Запада агрессивно навязывать свою точку зрения на происходящие события, побуждать российских граждан к протестам против ведения специальной военной операции на Украине.

Следует полностью поддержать автора и в его убеждении о значимости развития регулятивного законодательства, определяющего правовой режим

идентификации при распространении и доступе к информации в сети «Интернет». Действительно, этот вопрос по своей значимости вполне справедливо может быть поставлен и на первое место, поскольку формирование единого международного механизма, объединяющего комплекс правовых режимов, технологий и конкретных технических решений, идентификации пользователей в сети «Интернет» выступает непременным условием эффективного противодействия цифровой инфраструктуре терроризма (с. 421).

Совокупность отмеченных положений и выводов, обладающих необходимыми признаками научной новизны, образует целостную теоретическую концепцию противодействия преступлениям террористической направленности, которая учитывает современные российские особенности и тенденции данного сегмента преступности и закладывает основы для оптимизации российского законодательства и совершенствования правоприменительной практики.

Положительно оценивая проведенное Д.К. Боковым исследование, и в целом разделяя его концепцию, отметим, что отдельные положения работы вызывают критическую оценку и могут стать основанием для дискуссии.

1. Так, трудно согласиться с выводами о необходимости объединения ответственности за организацию террористического сообщества или террористической организации и участие в них в одной статье УК РФ. Представляется, что такой законодательный подход скорее затруднит применение соответствующих положений УК РФ практическими работниками. Дело в том, что практика уже наработала определенный подход в вопросах квалификации участия в соответствующих организованных террористических структурах. В его основе различная степень общественной опасности указанных разновидностей общественной опасного поведения, что предопределяет раздельное регулирование ответственности (в разных статьях УК РФ).

Автор безусловно прав в том, что совпадение признаков террористических объединений порождает совокупную квалификацию – одни и те же лица по правилам идеальной совокупности преступлений признаются виновными в создании сразу нескольких преступных групп и (или) участии в них, хотя по факту они являлись членами одной криминальной ассоциации. Вместе с тем, предлагаемая им авторская редакция статьи 205^4 («Организация террористического сообщества или террористической организации и участие в них») по сути ничего не решает, поскольку правоприменитель вновь будет должен искать разницу между двумя смежными разновидностями организованной террористической деятельности.

2. Дискуссионным представляется и тезис о моменте окончания финансирования терроризма в форме передачи средств. Автор поддерживает позицию тех специалистов, которые исходят из того, что момент получения средств адресатом не имеет значения для признания финансирования терроризма юридически оконченным преступлением (с. 402).

По нашему мнению, решение данной правоприменительной проблемы зависит не только и не столько от ответа на вопрос: что есть финансирование терроризма, сам процесс или его результат? Главное здесь нам видится в том, что такое финансирование выступает сложной формой криминального взаимодействия, в котором отражается субъективное отношение к факту происходящего не только «финансиста», но и «финансируемого».

К сожалению, Пленум Верховного Суда РФ проигнорировал этот важный момент в постановлении от 09.02.2012 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Однако в другом постановлении (от 09.10.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях») им высказана правильная позиция о том, что дача взятки, а равно незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, посредничество во взяточничестве в виде непосредственной передачи взятки считаются оконченными с момента принятия должностным лицом либо лицом,

выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей (например, с момента передачи их лично должностному лицу, зачисления с согласия должностного лица на счет, владельцем которого оно является).

Хочется напомнить, что исторически понятие «финансирование» (преступления) развивалось по пути его оценки как разновидности соучастия в преступлении, о чем почему-то умолчал соискатель ученой степени (как пособничество, подстрекательство, а затем и соисполнительство), до признания его самостоятельным видом преступления. Поэтому, говоря о юридической природе рассматриваемого деяния, нельзя упускать из виду необходимость установления двусторонней связи между соучастниками, предполагающей взаимную осведомленность о действиях друг друга. Очевидно, что такая связь отсутствует, к примеру, в тех в случаях, когда имеет место лишь передача (перевод) денежных средств в целях финансирования терроризма, а другая сторона не осведомлена об этом, вследствие чего эти средства не получает и они не идут на осуществление террористической деятельности. Полагаем, что в данном случае можно вести речь лишь о неоконченном преступлении.

Кроме того, автор упускает из вида одно немаловажное обстоятельство. В современных условиях оказание финансовой, материально-технической помощи ВСУ и другим украинским формированиям квалифицируется следственными органами как государственная измена. Автору предлагается сформулировать правило квалификации содеянного в этом случае (правовая оценка как совокупность преступлений или конкуренция норм).

3. Не до конца определенной и законченной представляется авторская позиция относительно конструкции и практического назначения нормы об ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (ст. 208 УК РФ). С одной стороны, соискатель справедливо обращает внимание на

криминальном (преимущественно террористическом) целеполагании участников незаконных вооруженных формирований (с. 320). С другой стороны, им предлагается переориентировать указанную норму на уголовно-правовое противодействие тем нелегальным военизированным подразделениям, которые дублируют функции армейских и правоохранительных милитаризованных структур (частные военные компании, вооруженные народные дружины, добровольческие патрули и т.п.), но не преследуют при этом криминальных целей. Проекта новой статьи 208 УК РФ в положениях, выносимых на защиту, мы не находим, в связи с чем в процессе публичной защиты автору предлагается ответить на вопрос о том, следует ли признавать организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, преступлением террористической направленности, и предложить конструкцию соответствующей статьи УК РФ.

4. Насколько можно судить по положениям, выносимым на защиту, в работе содержится целый ряд сформулированных автором правил квалификации преступлений террористической направленности. Наиболее оптимальным вариантом было бы дополнение указанными разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» с одновременным размещением соответствующего проекта о внесении дополнений в это постановление в приложениях к работе.

Отмеченные дискуссионные положения работы не снижают ее качества. На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить:

1. Диссертация Д.К. Бокова написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения,

выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

2. Диссертация Д.К. Бокова представляет собой научно квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как решение научной проблемы, имеющей важное политическое и культурное значение. Диссертация соответствует критериям, установленным ч. 1 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

3. Автор диссертации – Дмитрий Константинович Боков – заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:
профессор департамента уголовного права,
процесса и криминалистики
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
доктор юридических наук, профессор

Павел Валерьевич Агапов

«03» 09 2026 г.

(101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», тел. (495) 772-95-90, доб. 11013; e-mail: hse@hse.ru)

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
ЗАВЕДУЮЩИЙ ЦЕНТРОМ
БАТРАКОВА Т.А.

ФАКУЛЬТЕТ ПРАВА